

Обращённый на северо-запад крепостной зубец обвалился больше чем наполовину. Позади него со свистом проносились стрелы, оставляя за собой огненные шлейфы. Одна из них подожгла рухнувшее знамя, но какой-то солдат торопливо затоптал пламя тяжёлым сапогом.

— Генерал! Нам не удержать зубцы, да и ворота вот-вот рухнут! — кричал запыхавшийся воин.
— Внизу толпятся обезумевшие люди, все требуют выпустить их из города. Мы зажаты в тиски, долго так не простоят!

Цзян Ли хмуро посмотрел на бушующую у ворот толпу, спорившую со стражей. На его обычно бесстрашном, словно высеченном из камня лице промелькнуло раздражение.

— Ворота не открывать, — отрывисто бросил он. — Любого, кто попытается прорваться, казнить на месте.

— Почему нельзя?! — взревел кто-то из толпы. — Наследник натворил бед, а мы, простые люди, должны лечь с ним в одну могилу?!

Этот крик мгновенно всколыхнул толпу. Со времён Небесного откровения недовольство Чу Яо в Цзичжоу достигло предела. К тому же мятежники шли под лозунгом «Истребить нечисть, спасти государство». Подогреваемые слухами, горожане без колебаний связали древнее зло с Чу Яо. Чаша весов в их умах давно склонилась не в пользу властей.

Требования распахнуть ворота и сдаться становились всё яростнее. Защитники города по указке адъютанта Лю Шоуи лишь сдерживали напор, не пуская в ход оружие. Этот трусливый флюгер явно испугался мощи войска Чу Линъюя. Опасаясь, что Чу Яо потерпит крах, он пытался выторговать себе пощаду у будущих победителей.

— Лучше погибнуть в бою, чем подыхать здесь как крысы! — донеслось из гущи людей.

— Да пусть нас лучше кони северян втопчут в грязь, чем этот доходяга снова принесёт нас в жертву!

— Прорвёмся!..

Разъярённая толпа едва не снесла ворота. Раздался резкий скрежет — Цзян Ли обнажил клинок. На стальном лезвии отразился холодный блеск его глаз, обещающий скорую расправу.

В самый отчаянный миг перед ним выросла стремительная, яркая фигура.

— В городе вас ждёт смерть, но думаете, за стенами вы обретёте спасение? — чистый, звонкий голос юноши заставил многих вздрогнуть. — Известно ли вам, что среди мятежников идёт войско под началом Ван Ту?

Имя Ван Ту действовало мгновенно. Бурлящая, готовая взорваться толпа у ворот притихла. На лицах проступил животный ужас.

Из недавних военных донесений Цзюнь Жухэн хорошо знал расклад сил. Удел Чу Линьюя лежал на далёком севере, перебросить оттуда верную гвардию в столь короткие сроки было невозможно. Потому авангардом мятежников стали уцелевшие отряды покойного принца Хань, рассеянные по Срединной равнине. И свирепее всех среди них были головорезы Ван Ту.

Цзюнь Жухэн вспомнил слова Чу Яо: «Если люди поймут, что за воротами их ждёт встреча со зверьми Ван Ту, их пыл угаснет. В конце концов, мало кто спешит расстаться с жизнью по собственной воле».

И это правда. Пока беда не коснётся человека лично, он не поймёт чужой боли.

— Объяснять, кто такой Ван Ту, думаю, никому не надо? — продолжил Цзюнь Жухэн, оглядывая притихших горожан. — Когда он умирал мятеж в Цинчжоу, то живьём закопал три тысячи сдавшихся в плен воинов. Его банда славится свирепостью лишь потому, что этот палач установил для своих псов негласное правило: после взятия любого города, сдался тот или сопротивлялся, им даётся три дня на разграбление. Насилуйте, жгите, убивайте — воинские законы в эти дни не действуют.

Юноша выдержал паузу, обводя людей суровым взглядом:

— Даже покойный принц Хань, будучи его господином, не мог обуздать этого зверя. А теперь его нанял Чу Линьюй. Неужели вы верите, что пришлый воевода прикажет Ван Ту пощадить вас и тот послушается?

На бунтовщиков словно ушат ледяной воды вылили. Стоявшие в задних рядах женщины, старики и дети начали боязливо переглядываться и отступать.

Вдруг прямо в разуме Цзюнь Жухэна раздался тихий голос Чу Яо:

* «Славная работа».*

«Ах ты пройдоха, Чу Чжибай! Опять подслушиваешь?» — беззлобно выругался про себя юноша, чувствуя, как тепло разгорается Контракт согласия сердец у него на груди. Он мысленно ответил:

* «Занимайся врагами на передовой. Тыл я беру на себя».*

Спустя долгое мгновение донёсся глубокий, низкий вздох:

* «Хорошо».*

Горожане понемногу успокоились. Цзюнь Жухэн уже собирался велеть страже увести их в безопасное место, как вдруг из толпы метнулись несколько чёрных теней. Сверкнула обнажённая сталь. Предатели на ходу срубили стоявших рядом зевак и вихрем рванулись к механизму ворот.

— Не дайте им дотронуться до лебёдки! — закричал Цзюнь Жухэн, блокируя локтем удар чужого клинка.

Цзян Ли среагировал мгновенно. Оттолкнувшись от плеча подвернувшегося солдата, он взмыл в воздух и с силой метнул тяжёлую саблю. Оружие со свистом рассекло воздух и намертво пригвоздило лазутчика к каменным плитам в шаге от рычага.

Цзюнь Жухэн едва успел перевести дух, как умирающий лазутчик судорожно дёрнул пальцем. Из его рукава вырвалась тонкая струйка бурого дыма. В ту же секунду над головами раздался грозный гул, от которого кровь застыла в жилах.

Небо заволочло. Огромные полчища каменных древоточцев сплошной жужжащей тучей закрыли палящее солнце, превратив полдень в зловещие сумерки.

Вокруг взвихрилась живая чернильная мгла. Гул тысяч крыльев бил по барабанным перепонкам. Прошло всего несколько дней с их прошлой встречи, но эти твари эволюционировали пугающе быстро: теперь они действовали не хаотично, а сбивались в слаженные боевые порядки, словно ведомые единым разумом.

Пока Цзюнь Жухэн в оцепенении созерцал этот кошмар, внизу уже пролилась первая кровь. Насекомые не тратили время на высасывание плоти. Они стремительно вгрызались в глаза, рты и грудь несчастных, оставляя после себя зияющие багровые дыры, и тут же перекидывались на новые жертвы. Воздух заполнили истошные крики и стоны умирающих.

Опомнившись, Цзюнь Жухэн поддел носком обломок древка, подхватил его на лету и окунул в чан с горячим маслом. Короткий, резкий удар кремнем о камень — и сукно вспыхнуло яростным пламенем. Юноша закружил факелом, разгоняя тварей; мимо его лица летели горящие ошмётки ткани и обугленные тельца насекомых.

В воздухе приторно запахло палёной плотью. Цзюнь Жухэн, не оборачиваясь, крикнул:

— Уводите людей! Быстрее!

Снуружи в ворота с грохотом ударил таран. Земля под ногами задрожала. Чу Янь взмахнул рукой, и тяжёлые осадные орудия покатались вперёд, сминая остатки деревянных настилов. Прочные щиты прикрывали штурмующих от летящих сверху камней; укрывавшиеся под

навесами пехотинцы уже приготовились идти на прорыв, как вдруг на них обрушился ливень из кувшинов со смолой. Следом полетели огненные стрелы.

Раздался оглушительный взрыв. Осадную башню в одно мгновение сожрало ревущее пламя. Глядя на бушующий пожар, Чу Янь ощутил, как к горлу подступает ледяной ком дурного предчувствия.

Всё было просчитано до мелочей, победа казалась делом решённым. Но шли сутки, а его воинство до сих пор топталось у внешнего кольца укреплений Цзичжоу. Ситуация становилась критической.

Его наспех собранное войско состояло преимущественно из конницы, мало приспособленной к затяжной осаде крепостей. К тому же полки прибыли из разных земель; воины не успели сыгаться, а командиры таили друг на друга старые обиды. Если подкрепление задержится ещё на день, разношёрстная орда просто перегрызёт друг другу глотки.

Чу Янь мрачно обернулся к адъютантам:

— Лучникам — подавить огонь на стенах! Бросить в бой резервы! Город должен пасть до захода солнца!

Но не успели гонцы разнести приказ, как со скрипом лебёдок крепостные ворота медленно поползли вверх. Из проёма лавиной хлынула лёгкая кавалерия. Доспехи всадников ослепительно сверкали на солнце. Над ними реяли чёрные знамёна с вышитым золотом гербом Великой Инь.

Разглядев того, кто скакал во главе отряда, Чу Янь мёртвой хваткой вцепился в поводья.

«Третий брат...»

На Чу Яо был чешуйчатый воронёный доспех, длинные волосы были заплетены в тугие косы и спрятаны под серебряный шлем с чеканным драконом. Воинское облачение стёрло прежнюю изнеженность с его лица, придав облику суровую и грозную решимость.

Вороной жеребец замер в нескольких шагах от авангарда мятежников. Чу Янь отчётливо видел, как в прежде сонных, подёрнутых дымкой глазах Чу Яо теперь полыхает беспощадный огонь.

— Я пришёл предложить тебе сдаться, — ровным голосом произнёс Чу Яо, удерживая взгляд брата.

А на стенах тем временем разыгрывалась трагедия. Одинокий факел плохо защищал от напасти; едва треть жителей успела укрыться в безопасном месте, как полчища каменных

древоточцев выросли вдвое.

Сквозь крики вновь пробилась противная, режущая слух трель флейты. Повинуясь звукам, стаи тварей чёрными росчерками замелькали перед лицом Цзюнь Жухэна. Он хотел подлить масла в огонь, но солдаты лишь развели руками — последние запасы ушли на оборону главных ворот.

Юноша растерянно посмотрел на едва затянувшуюся рану на ладони. Голову сдавило тупой болью. Цзян Ли, перехватив его взгляд, крепко сжал его запястье:

— Сколько бы в тебе ни было крови, на всех не хватит. Не смей.

Но иного выхода не виделось. В прошлой жизни Цзюнь Жухэн не раз бросался под пули ради спасения людей — это въелось в подкорку, стало безусловным рефлексом. Да, императорский род совершил страшные злодеяния против духовного мира, но смотреть, как заживо сжирают невинных детей и женщин, он не мог.

Зажмурившись, он мысленно прикрикнул на назойливо пищущую в голове Систему:

«Заткнись! Если трон займёт Чу Линьхой, о возрождении клана Бифан можно забыть навсегда. Он мою собственную кость на сувениры пустит!»

Внутричерепной писк послушно поутих.

Он уже занёс лезвие над ладонью, как Цзян Ли резко дёрнул его за плечо:

— Глади туда!

Сквозь кишущую тучу насекомых Цзюнь Жухэн разглядел на краю парапета тонкую фигуру. Назвать её человеком не поворачивался язык: ниже узорчатого пояса вместо ног тянулся длинный, чешуйчатый змеиный хвост.

Дева-змея прижимала к губам костяную флейту. С каждым пассажем натиск жуков усиливался, они с сухим треском бились о щиты солдат, напоминая град оружейных выстрелов. Цзюнь Жухэну в голову пришёл дерзкий план. Перехватив полыхающее знамя, он разогнал наседавшую мошкарку, оттолкнулся от края укрепления и ласточкой сиганул прямо к чешуйчатой твари, заноса клинок для удара.

Лезвие скользнуло в волоске от её шеи. Тварь гибко извилась, уходя от выпада, и с силой хлестнула хвостом, словно стальной плетью. Удар пришёлся по голени — ногу Цзюнь Жухэна обожгло дикой болью, он едва не рухнул с парапета. Извернувшись в воздухе, он чудом удержал равновесие и приземлился на колено, попутно метнув в противницу нож.

Кинжал со звоном вонзился в кирпичную кладку, заставив змеиный хвост отпрянуть. Встретившись с ней взглядом, юноша обомлел. Перед ним была совсем молодая девушка. Тонкие брови, миловидное лицо... Портила его лишь уродливая рваная рана, тянувшаяся от виска к щеке.

Но ещё сильнее удивилась сама Цинфу, уставившись на Цзюнь Жухэна так, словно увидела выходца с того света.

Тем временем у подножия стены продолжалось противостояние братьев. Чу Янь презрительно усмехнулся:

— Ваше Высочество, глупости твоей нет предела. Пусть стены Цзичжоу трижды крепки, как только придут мои союзники, вы окажетесь в капкане. На что ты надеешься, предлагая мне сдаться?

— Подкрепление? — невозмутимо переспросил Чу Яо. — Ты о командующем гарнизоном Округа Цзинань Лян Юндао? Или о генерале Цзо Му? А может, о командире цинчжоуского полка У Ду и великом палаче Ван Ту?

От ледяного спокойствия брата у Чу Яня по спине побежал холодный пот.

Чу Яо мягко улыбнулся, и его вкрадчивый голос зазвучал почти ласково:

— Братец, если судить по датам отправки писем, эти господа уже должны были миновать Округ Цзинань. Почему же их до сих пор не видно на горизонте?

Чу Яня словно громом поразило. Пазл в его голове наконец сложился, объясняя то гнетущее предчувствие, что мучило его последние дни. Будь войска на подходе, их передвижение невозможно было бы скрыть полностью. Но дозорные, расставленные по дорогам, молчали слишком подозрительно.

— Ян Бинжэнь... Он предал меня... — пробормотал Чу Янь побелевшими губами.

— Учитель не лгал тебе, — оборвал его Чу Яо. — Просто адресатов у тех посланий оказалось куда меньше, чем ты рассчитывал. От имени остальных военачальников письма тебе писал лично я.

По рядам мятежников прокатился испуганный шёпот.

Чу Янь быстро соображал. Глаза его расширились от гнева:

— Ты... Ты нарочно распускал слухи о недовольстве в Цзичжоу! Заставил поверить, что народ

готов взбунтоваться, лишь бы выманить нас из укрытий и заставить начать поход раньше времени!

— А ты сообразителен, братец, — кивнул Чу Яо.

— Открытый враг не страшен, — спокойно продолжил он. — Куда опаснее крысы, годами подтачивающие устои государства изнутри. Они долго прятались в тени, ожидая удобного момента. И когда Цзичжоу якобы забурлил от злости, они решили, что час настал, а их мятеж сойдёт за праведную войну. Как жаль.

— Жаль чего? — заикаясь, выдавил Чу Янь.

— Жаль, что правда вскрылась раньше, чем они успели сделать первый шаг. А любой наместник, покинувший свои земли без приказа государя, автоматически признаётся бунтовщиком. Четыре гвардейских корпуса — Чжулун, Сялун, Шэньцэ и Тяньцэ — уже выступили по высочайшему повелению. Мятеж в восьми округах Андуна подавлен, не успев разгореться. Вести о победе уже летят в столицу.

Чу Яо многозначительно усмехнулся:

— Думаю, твой отец, Чу Линьюй, тоже вскоре получит это радостное письмо.

— Невозможно! — выкрикнул Чу Янь. — От Цзичжоу до Цзиньлина тысячи ли! Восточный дворец физически не успел бы перебросить войска!

В этот миг воздух с сухим треском разорвал певучий звон тетивы. Звук прокатился над полем боя упругой волной, заставив уши заложить от боли. Тушань испуганно взвыл:

— Берегитесь, господин!

Тяжёлая стрела без наконечника вонзилась в землю прямо перед копытами его коня. Чу Янь дрожащими руками сорвал привязанный к древку свиток из жёлтого шёлка. Когда он развернул императорский указ, в его глазах наконец-то отразился подлинный, леденящий душу страх.

— Ты, видимо, забыл, братец, — усмехнулся Чу Яо, — что Синие птицы передачи звука из Долины Фэньюнь способны покрывать тысячи ли за день. Обычным гонцам за ними не угнаться.

Он опустил лук, явив миру свой холодный, пустой взгляд:

— Узнав о преступлениях рода Ян, отец пришёл в ярость. Великий наставник Ян Бинжэнь

казнён вместе со всеми близкими до девятого колена. Понимая, какая участь их ждёт, твои так называемые союзники сдались без боя. Нашим гвардейцам даже не пришлось пачкать мечи.

Чу Яо говорил об уничтожении целого древнего рода с таким ледяным безразличием, словно пересказывал скучную хронику. Наблюдавший за этим со стены Цзюнь Жухэн невольно вздрогнул — по его спине пробежал озноб. Впрочем, он тут же мысленно одёрнул себя: «О чём я думаю? Ян Бинжэнь заслужил эту участь тысячу раз. Собакам — собачья смерть».

Грудь Чу Яня тяжело вздымалась. Спрятанное за пазухой зеркало глухо стучалось об узорчатый доспех. Ещё никогда в жизни он не чувствовал себя таким жалким дураком. Он пытался проявить милосердие, щадил брата, а его просто водили за нос, как сопливого мальчишку.

— Ну и пусть подкрепления нет! — иступлённо взревел он, окончательно теряя самообладание. — За моей спиной всё ещё стоит верная армия! Тебе не удержать город! И даже если я проиграю, думаешь, бумажка с печатью вернёт тебе любовь народа?! Люди бегут отсюда толпами. Те твари у ворот сожрут их заживо, и очень скоро вся Великая Инь узнает, что Чу Яо запер невинных в ловушке и обрёк на мучительную смерть! Тебе никогда не смыть с себя клеймо проклятого чудовища!

Слушая этот бред, Цзюнь Жухэн почувствовал, как в груди закипает глухая ярость. Он догадывался, что методы Чу Линъюя грязны, но не ожидал, что тот готов принести в жертву собственный народ ради дешёвой клеветы. Гнусная, бесстыжая мразь!

Перед глазами поплыли багровые пятна. Прошлые воспоминания — страшные, мучительные видения о том, как ловили, пытали и сдирали кожу с его сородичей, духовных птиц клана Бифан — наложились на крики беззащитных горожан. Гнев выжег все мысли. Внутри него поднялась буря, духовная сила забурилась, словно разъярённый океан, крушащий прибрежные скалы.

Его духовное море содрогалось от чудовищного давления. Но где-то в самой его глубине шевельнулась древняя, спавшая веками мощь. Внезапно весь хаос в мыслях улегся, уступая место звенящей пустоте.

А затем в его иссиня-чёрных глазах закружился безумный, всепоглощающий вихрь. Чистейшая духовная энергия хлынула наружу, заставив Цинфу застыть в немом оцепенении.

И над истерзанным городом, разрывая тучи, зазвучал чистый, победоносный крик божественной птицы.